

Русский офицер Владимир Лобыцын²

Он был настоящим офицером. Во всем, в каждом жесте, в походке. В том, как он вставал, когда в комнату входили женщины, как тщательно и чисто, но без всякой вычурности, следил за одеждой. В яростном и мгновенном неприятии всего, что представлялось ему выходящим за пределы порядочности и чести.

Но, главное, Владимир Викторович просто воплощал в себе ныне такие затертые и, прямо скажем, не всегда самыми достойными людьми эксплуатирующиеся понятия, как честь офицера и честь военно-морского флота. Казалось, он шагнул откуда-то из старых времен, когда приход офицера-моряка всегда гарантировал благородное украшение любого общества.

Ярость и страстность непостижимым образом сочетались в нем с поразительной тщательностью и педантичностью в работе. Готовя к публикации сотни исторических документов, возвращая память об ушедших моряках и морских офицерах, он всегда самым тщательным образом, до последней сдачи в типографию готовил рукописи и иллюстрации. Не было ни одной запятой, которой он не выверил бы по самым разным источникам. Тяжело переживая отказы, которые иногда встречались в его ураганной деятельности, он в то же время всегда умел восхищаться работой других. И поэтому Лобыцыну помогали очень многие. Слишком силен был магнетизм его личности, а человека, влюбленного и фанатично посвящающего себя благородному делу, не могут не уважать те, кто встречает его на дороге жизни.

Он был потомственный офицер, и впоследствии сам Владимир Викторович начал свои первые исследования с поиска отца, сгинувшего в огне Второй мировой. Сомнений в выборе пути у него никогда не было.

Он родился 28 января 1938 года, после школы поступил в Артиллерийскую радиотехническую академию, по окончании которой четверть века отдал службе научно-исследовательских учреждениях Вооруженных сил и демобилизовался в звании подполковника. Нельзя не сказать, что, наверное, человек его таланта и способностей, человек какой-то фантастической ответственности за любое порученное дело мог бы закончить службу в более высоком звании.

Тем не менее он увидел очень много стран и континентов. А уйдя со службы в 1983 году, стал сотрудником Института океанологии РАН им. П.П. Ширшова. Одновременно с этим Владимир Викторович стал во всю мощь реализовывать свою «одну, но пламенную страсть» — возвращение памяти о русских моряках, закончивших свою жизнь за пределами России.

Впрочем, это касалось не только моряков. Так, на страницах журнала «Вокруг света» Лобыцын первым опубликовал статью о кладбище рядом с французским местечком Мурмелон-Ле-Грант. Там, где похоронены офицеры и солдаты Русского экспедиционного корпуса, воевавшие во Франции с немцами в годы Первой мировой войны. Впоследствии Владимир Викторович очень помог кинорежиссеру Сергею Зайцеву при работе над фильмом «Погибли за Францию», посвященным этой забытой странице русской военной славы.

Этапом и, естественно, результатом огромной работы стала статья Лобыцына в том же «Вокруг света» — с картой российских морских памятников и захоронений за пределами России. Времена изменились, и наряду с развалом всего и вся пришла свобода

¹ Леонидов Виктор Владимирович. Родился в 1959 г. Кандидат исторических наук. Историк Русского Зарубежья, вернувший российскому читателю имена поэтов Н.Н. Туроверова и И.И. Савина. Известный бард и поэт.

² Впервые опубликовано: Литературные незнакомцы. 2006. №3(13). С. 98–104. Печатается с небольшими исправлениями.

и возможность наконец-то сказать полную правду о людях, долгие десятилетия проходивших по спискам «врагов народа».

«И теперь мы смотрим на трехсотлетнюю историю Российского Флота как на единую, мы снова почитаем героизм русских моряков, проявленный в Русско-японской и Первой мировой войнах, устанавливаем памятник белым морякам на кладбище в далекой Бизерте, делая на нем надпись: “Россия Вас помнит”», — писал сам Лобыцын, завершая последнюю подготовленную им книгу «Морские рассказы писателей русского зарубежья». Книгу, которую он успел полностью выверить и сдать в издательство «Согласие», а вот увидеть ее ему уже не удалось.

Энергия его была поразительной. Он бился во все двери, чтобы «пробить» установку доски с именами погибших на памятнике морякам крейсера «Жемчуг», погибшим в 1914 году в Пенанге (Малайзия), и довел это немыслимое предприятие до конца. В Успенском кафедральном соборе Хельсинки стараниями Владимира Викторовича удалось установить мемориальную доску с фамилиями 59 офицеров флота, убитых и скончавшихся в 1917 году.

В греческом Пилосе, благодаря Лобыцыну теперь стоит памятный знак в память о погибших в Наваринском сражении в 1827 году. На острове Сантахамина в Финляндии он восстановил утраченную икону на памятнике русским воинам, погибшим еще во времена Крымской войны. И еще очень много сил отдал тому, чтобы на турецком полуострове Галлиполи, там, куда в 1920 году прибыли солдаты и офицеры корпуса генерала Кутепова, был восстановлен памятник. Такой же, какой в начале двадцатых они поставили своим погибшим товарищам и чей силуэт воспроизведен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. Но завершить задуманное Владимиру Викторовичу не удалось.

Но удалось выполнить другую, также далеко не легко исполнимую задачу. Лобыцын умудрился добиться, чтобы в парке, примыкающему к российскому посольству в Стамбуле, был поставлен памятный знак погибшим российским подводникам с подводной лодки «Морж», пропавшей без вести в 1917 году.

Это же надо себе представить! Сколько согласований, кабинетов, объяснений, поисков денег и, к слову, и своих собственных затрат, чтобы где-то на краю света возник памятник, или просто доска, или крест в память о наших соотечественниках. О тех, для кого Андреевский флаг означал все.

Лобыцын обожал работать в архивах и порою, как-то удивительно по-детски, радовался очередной находке. А работать он умел и любил. Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный архив Военно-морского флота, Отдел русского зарубежья Российской государственной библиотеки, частные собрания, в том числе и коллекция его близкого друга, сына морского офицера Александра Плотто, живущего в Париже, — всего не перечислить. И все-таки этапом для него стала работа с коллекцией Русско-американского общества «Родина». Оно было основано в 1954 году и очень скоро стало одним из главных центров хранения наследия русской культуры и исторических реликвий за пределами России.

В 1979 году бывшими русскими офицерами в США обществу были переданы уникальные архивы и коллекции. При обществе был создан музей, архив и библиотека. Начиная с 1993 года, все эти сокровища решением Совета старшин Общества были переданы в Россию.

Огромную роль в переговорах по решению этого вопроса и в самой организации возвращения такой огромной коллекции сыграла директор Дирекции президентских программ Российского фонда культуры Елена Чавчавадзе.

Владимир Викторович приступил одним из первых к разбору необозримой коллекции «Родины» и очень быстро обнаружил там большой массив источников по истории русской военно-морской эмиграции — архив Общества офицеров Российского императорского флота в Америке и ряд уникальных изданий, таких, как, к примеру, полный комплект «Морского сборника», издававшегося в Бизерте — порту на побережье

северного Туниса. В дополнение к другим архивным изысканиям эти материалы наконец-то заложили основу для полномасштабных изданий.

Вначале появились небольшие брошюры — описание «морской» части коллекции «Родины», полная библиографическая систематизация Бизертинского «Морского сборника». Маленькие по объему, они сразу стали настольными для любого исследователя русского флота. Дальше была нашумевшая книжечка, посвященная легендарному «Китобою» — маленькому тральщику, не спустившему Андреевский флаг и бесстрашно прорвавшегося в 1920 году из Ревеля в Крым, а затем — в Бизерту, где нашли свою последнюю стоянку корабли Русской эскадры Врангеля.

А затем пришел черед больших, полномасштабных изданий. Сначала появился «Мартиролог русской военно-морской эмиграции по изданиям 1920–2000 гг.» — справочник с биографическими сведениями о почти двух тысячах чинах Российского флота и Морского ведомства, умерших за пределами ставшей Советской России. Сотни матросов, гардемарин, лейтенантов и адмиралов были спасены от забвения. Дальше началось триумфальное шествие книг, выпущенных в издательстве «Согласие» при поддержке Вацлава Михальского. Это был и том статей из бизертинского «Морского сборника», и прекрасный альбом «Варяг — к столетию подвига», и «Записки подводника» офицера и писателя Василия Меркушова. Последней книгой, как уже говорилось, стал сборник «Морские рассказы писателей русского зарубежья». Издатели, поместив на развороте обложки фотографию Владимира Викторовича, подписали: «О таких людях, как Владимир Викторович Лобыцын, принято говорить — соль земли. Потому что эти люди движут жизнь, а не потребляют ее. Он был выдающимся историком русского флота, и опыт его бесценен».

К этому трудно что-либо добавить. А вспоминать обо всем, что он сделал, можно бесконечно. Как готовил выставки и оформил в Кисловодске целый зал, посвященный Колчаку, как организовывал бесконечные дары в морские музеи и архивы. Как до бесконечности работал над оформлением витрин и стендов...

Что же, в который раз остается вспомнить слова Жуковского: «...не вспоминай с тоской — их нет, но с благодарностью — были».

Спасибо Вам, Владимир Викторович, за то, что жизнь подарила нам Вас.

Памяти Владимира Лобыцына

Столько дел — куда там, не до смерти Вам,
Верстки ворох, и за томом том,
И Колчак, и памятник Бизертинский,
И статьи о чем-то о другом.
В то, что нету Вас, никак не верится,
Только ноет сердце от тоски,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки.

Те, кто шел на смерть полями минными,
Кого за борт кинуло волной,
Офицеры в ряд с гардемаринами
Принимают Вас в последний строй...
Руднева Вы видите и Беренса,
Как присяга, души их крепки,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки...

В даль вселенной, световыми милями,

Полыхая окнами кают,
Развернулись русские флотилии,
Вам последний отдают салют.
Лапником покрыты или вереском,
На земле могилы далеки,
А над небом вьется стяг Андреевский,
Там, где Вас встречают моряки.

Наяву ли, или это снится мне,
Будто кончен важный разговор,
С именем Владимира Лобыцына
В порт вошел сверкающий линкор...
А над ним, над чайками и реями,
Там, где все отброшены клинки,
Вьется, вьется, вьется стяг Андреевский
И в строю застыли моряки.